

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-659-670

Научная статья / Research article

Постколониализм в международных исследованиях: два лика теории

И.Д. Лошкарёв

Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел
Российской Федерации (МГИМО МИД России), Москва, Российская Федерация
[✉ivan1loshkariov@gmail.com](mailto:ivan1loshkariov@gmail.com)

Аннотация. Постколониальная теория постепенно входит в исследовательский арсенал международных исследователей, хотя пока не представлена достаточно широко в современной международно-политической науке. Важность освоения инструментов и приемов данной теоретической парадигмы или группы родственных парадигм связана как с постепенным отказом от европоцентричного видения глобальной и региональной политической истории, так и с выявлением пространственных и временных особенностей теоретизирования на международные темы. В этой связи необходимо выявить внутренний потенциал постколониальной теории и те онтологические, эпистемологические и методологические особенности этой теории, которые позволят более конкретно применять к международным реалиям имеющиеся в распоряжении данной парадигмы концепты, их интерпретации и заложенные в них причинно-следственные связи. Именно поэтому автором предложены базовые типы постколониальной теории международных отношений, а также раскрыты их узловое методологические принципы, дана оценка своеобразия объекта и цели исследования. На основании интерпретативистских принципов анализа теорий автор производит реконструкцию ключевых онтологических и эпистемологических оснований, особенностей толкования причинно-следственных связей постколониального «стиля мышления». Выделено два основных типа постколониальной теории — постколониализм различия и постколониализм взаимозависимости. Несмотря на сходство в базовом желании освободить научный дискурс от приемов и концептов европоцентричной науки, эти разновидности выстраивания постколониальной исследовательской программы различаются по степени готовности разорвать связи с колониальным прошлым, по требованиям к конечному результату исследования, а также по оценке пространства и социального времени в теоретизировании как таковом. На основе выявленных типов постколониальной теории автор намечает траектории взаимодействия этой парадигмы с другими школами исследования международных отношений, а также предлагает географически разграничить применение этих типов. Таким образом, продемонстрированы неоднородность, аналитический потенциал и адаптивность представленной парадигмы и возможности для более широкого ее применения в современных международных исследованиях.

Ключевые слова: постколониальная теория, постколониализм различия, постколониализм взаимозависимости, международные отношения, бифокальный подход, пограничное мышление

Для цитирования: Лошкарёв И. Д. Постколониализм в международных исследованиях: два лика теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 659—670. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-659-670>

© Лошкарёв И.Д., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Postcolonialism in International Studies: Two Faces of Theory

Ivan D. Loshkariov

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

ivanlloshkariov@gmail.com

Abstract. Postcolonial theory is gradually entering the research arsenal of international relations, although it is not yet widely represented in modern international political science. The importance of mastering the tools and techniques of this paradigm or a set of relatively close paradigms is associated both with the gradual rejection of the Eurocentric vision of global and regional political history, as well as the identification of spatial and temporal features of theorizing on international issues. In this regard, it is necessary to identify the internal potential of postcolonial theory and those ontological, epistemological and methodological foundations of this theory, which will allow more concrete application of its concepts, interpretations and causalities to international realities. That is why the article attempts to single out the basic types of the postcolonial theory of international relations while revealing their key methodological principles and assessing the originality of the object and purpose of the study. On the basis of the interpretivist principles of the analysis of theories, the author reconstructs the key ontological and epistemological foundations and features of the interpretation of causal relationships in postcolonial way of thinking. The article highlights two main types of postcolonial theory — Postcolonialism of difference and Postcolonialism of interdependence. Despite the similarity in the basic desire to liberate scientific discourse from the techniques and concepts of Eurocentric science, these types of postcolonial thinking differ in the degree of willingness to break ties with the colonial past, in the requirements for the final result of the study, and also in the appreciation of space and social time in theorizing per se. Based on the identified types of postcolonial theory, the author proposes the trajectories of interaction of the theory with other schools of research in international relations, and also identifies geographically limits of these types. Thus, the article demonstrates porousness, analytical potential and adaptiveness of the discussed approaches that makes them more useful for the current IR studies.

Key words: postcolonial theory, Postcolonialism of difference, Postcolonialism of interdependence, international relations, bifocal approach, border thinking

For citation: Loshkariov, I. D. (2022). Postcolonialism in international studies: Two faces of theory. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(4), 659—670. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-659-670>

Введение

Публикация работы Э. Саида «Ориентализм» (1978) дала мощный импульс переосмыслению роли основных концептов в социальных науках. Поскольку с Нового времени эти науки преимущественно сформировались на Западе, то оказалось, что в них есть существенная доля предрассудков и скрытых репрезентаций, которые отражают особенности развития европейских и североамериканских государств, а также интересы отдельных политических сил и бизнеса (Саид, 2006, с. 314—318). В итоге в академическом дискурсе страны Востока/не-Запада¹ оказались пространством «формирующего за пределами»

¹ Здесь и далее понятия не-Запада и Востока употребляются как синонимичные, хотя включение в «Восток» ряда регионов мира (например, Латинской Америки или Африки) более чем спорно.

го» (*constitutive outside*), которое стало средоточием приписываемых отрицательных черт. Если западным странам придавали в качестве характеристик рациональность поведения, прогресс в развитии и капиталистическую модель экономики, то Востоку на контрасте доставались нерациональность, социальная отсталость и экономическая примитивность. Этот процесс не имел конца, поскольку западные страны могли бравировать этими достижениями тогда и только тогда, когда где-то наблюдалась противоположная ситуация — пусть и приписываемая, конструируемая, расходящаяся с действительным положением дел. То есть вместе с трансформациями на Западе мутировали, менялись и пересобирались способы и язык описания условного Востока/не-Запада (вернее — описание его отставания и маргинализации) (Mitchell, 2000, pp. 7—12). Это нашло отражение

в теориях, подходах и даже методах исследования современных социальных наук, в том числе теории международных отношений.

Основные теоретические школы в исследовании международных отношений не просто отталкиваются от исторического опыта Запада, но и предписывают масштабную программу действий в отношении условного Востока. В частности, современные версии реализма видят опасность для Запада в крупных незападных государствах (Китай, Россия, в меньшей степени Индия) и в сущности воспроизводят риторику поздней Римской империи о сдерживании и периодическом наказании варваров в условиях невозможности победы над ними. Отсюда, вероятно, проистекает концептуальное различие между «великими державами» и «державами-ревизионистами» / «восходящими державами»: первые могут быть только на Западе, а вторые — в не до конца освоенной периферии. Напротив, современные версии либерализма и отчасти конструктивизма занимают по отношению к Востоку патерналистскую позицию, стремятся принести условным варварам «цивилизацию» с помощью изменения политических режимов, усиления экономической взаимозависимости и внедрения общих ценностей. Это находит отражение в тезисах о различной суверенности государств, которая ранжируется от формально-фасадной до эталонной западной. Изменение положения в иерархии суверенности возможно в такой версии только через внутреннее преобразование, «окультуривание». В итоге именно различия в суверенности предопределяют траекторию глобализации, которая «исправляет» и направляет незападные государства по предписываемому маршруту развития (Hobson, 2012, pp. 257—260).

Международные исследования давно столкнулись с проблемой географического дисбаланса в производстве основных концептов и концепций. С тех пор как Стэнли Хоффман провозгласил теорию международных отношений «американской наукой», ситуация не слишком поменялась (Hoffmann, 1977). Несмотря на разнообразные попытки бросить вызов господствующим подходам и теориям,

переосмыслить саму историю международных отношений и историю их изучения в недавнем прошлом, дискурсивные рамки теории во многом остаются неизменными и игнорируют накопление логических и фактических противоречий (Bleiker, 1997).

В этой связи обращение к противоречиям и пересечениям исторического опыта Запада и Востока остается важным направлением исследований. Обращение к постколониальной теории не случайно: именно эта (пусть и аморфная по определению) теория обращается к самой сути процесса географического конструирования, причинам того дисбаланса, который наблюдается в теории международных отношений, как и в других социальных науках. Исходный посыл постколониальной теории — так называемая эмансипация, которая направлена на постепенное устранение культурных иерархий (Алексеева, 2019, с. 544—545). Вместе с тем остается не до конца понятным вопрос, в чем могут состоять возможности развития для постколониальной теории, какие онтологические и эпистемологические обязательства подспудно скрыты в ней самой. Именно такой оценке потенциала постколониальной теории посвящена данная статья.

Проведенный анализ опирается на интерпретативистский подход к исследованию самих теорий. С этой точки зрения постколониальная теория, как и конкурирующие аналитические рамки в международных исследованиях, стремится не просто к формулировке суждений по поводу имеющих фактов, а к переосмыслению самого процесса теоретизирования, обоснованию предпочтений в пользу одного или нескольких вариантов трактовки причинно-следственных связей (Jackson, 2016, p. 10). В зависимости от этих предпочтений возникают те или иные онтологические и эпистемологические особенности и условия, которые позволяют теории одновременно развиваться и сохранять внутреннюю целостность в условиях прозрачности дисциплинарных и парадигмальных границ в социальных науках.

Две логики постколониальной теории

Признание скрытого неравенства в репрезентации Востока и Запада может подтолкнуть к двум различным логикам рассуждений.

Во-первых, постколониальная теория нередко обращается к «*бифокальному подходу*»: это подразумевает деконструкцию текущих властных отношений, а также формулировку альтернативной «восточной» повестки, «восточного» языка пересборки социальной реальности. В основе «бифокальности» лежит отказ от преимущественного использования европейского исторического опыта, в частности от попыток делать отсылки к Вестфальскому миру 1648 г. (Эльмуратов, 2021, с. 24; Untalan, 2020, p. 41). Без упорядочивающего опыта Запада теоретизирование оказывается в состоянии большей свободы и более открыто для новых концептов и подходов: формирование научных школ осознанно отматывается назад для получения более широкого охвата обновленных теорий. Этот тип постколониализма мы называем «постколониализмом различия».

Во-вторых, постколониальная теория может отказаться от самой логики противопоставления Запада и Востока. Понятие различия подразумевает отдельные закономерности развития, специфичность языка описания и интерпретации событий. Точно так же, как и противопоставление с Западом, аутентичность, которая приписывается Востоку, может подавлять/искажать социальные реальности не меньше, чем постоянная маргинализация в рамках западного дискурса (Booth, 1995). Вполне разумно предположить, что не только Запад как-то конструировал Восток, но и Восток принял деятельное участие в политико-культурном оформлении Запада. Этот процесс заключался не только в переселении из Азии и Африки, но и в адаптации западных стандартов науки и исследования, а также взглядов на политику и шаблонных форматов политических рекомендаций (Bilgin, 2008, pp. 12—14). В сущности это значит, что вместо четкой границы между Западом и Востоком есть взаимозависимый

континуум. То есть с методологической точки зрения перед нами не отрицание западного теоретического нарратива, а поиск точек соприкосновения и взаимного обогащения с восточными политическими подходами, концептами и даже ценностными ориентациями. Такой вариант постколониализма мы называем «постколониализмом взаимозависимости».

Две указанные логики постколониального теоретизирования подразумевают различные представления о социальной онтологии и эпистемологии, в том числе специфическое отношение к социальному времени.

В первом случае Восток представлен как онтологически отдельный исторический субъект или потенциальный субъект, на который должно быть направлено научное познание. В подобной логике деколонизация запустила не просто процесс освобождения государств от политической зависимости, а новый временной отрезок, в котором колониальные отношения используются для интерпретации современности. Безусловно, в зависимости от конкретных реалий отношений метрополий и колонии эти интерпретации будут различаться, но тут важно само временное направление анализа: от прошлого к настоящему (Африка: постколониальный дискурс, 2020, с. 39—40). При этом такая логика рассуждений вполне готова смириться с «расширением» уже имеющихся концептов на исторический опыт Востока хотя бы потому, что без этого невозможно провести деконструкцию властных отношений в научном и политическом дискурсе.

Во втором случае вместо онтологического дуализма появляется холизм: международные отношения видятся в качестве целостности с множествами демаркаций и конфигураций — как временных, так и сравнительно постоянных. Международные отношения, внутренняя политика, трансграничные связи оказываются частью процессов интенсивного горизонтального и вертикального обмена капиталом, идеями, нормативными ориентациями. Этому ответвлению колониального теоретизирования чужда идея фиксированного

пространства и времени: множественность временных соотношений и фрагментарность пространства взаимодействий воспринимаются аксиоматически. Отсюда большое внимание к производству новых концептов, которые более точно описывают эту социальную реальность и не служат воспроизводству иерархических отношений (Barder, 2015, pp. 130—131).

Подавленный постколониальный субъект: постколониализм различия

Если мы всерьез воспринимаем разграничение на Запад и Восток, возникает несколько важных ограничений онтологического и эпистемологического характера.

Во-первых, иерархическое положение государств по отношению друг к другу подразумевает, что существующие нарративы о Западе по определению изменить или устранить сложнее всего. Международные отношения сконструированы на основе европейского и североамериканского опыта, а потому приемлемые практики сложно выстроить на прямом отрицании действующих нормативных рамок (Ивкина, Трусова, Черняев, 2019). Поэтому приходится признать, что с онтологической точки зрения постколониальный субъект, если такового удастся сконструировать, будет все равно ограничен внешними рамками западных международных отношений (Jabri, 2014, pp. 375—379). Проще говоря, даже деконструкция текущего и прошлого доминирования Запада обречена в какой-то момент остановиться, чтобы не утратить искомого.

Во-вторых, «бифокальный подход» предполагает максимальное наступление на антиисторизм теорий международных отношений, предельное насыщение дискуссии о современных глобальных и региональных связях с историческим опытом Востока. В целом обратное движение в сторону «историзма» подразумевает идиографическое обращение к отдельным деталям, специфическим условиям и индивидуальным траекториям, а не к теоретизированию по поводу тенденций, причинно-следственных последовательностей

и паттернов поведения (Hobson & Lawson, 2008). То есть постколониальная история в этом варианте обращает особое внимание на целеполагание и самовосприятие акторов, соотношение случайности и неизбежности. С точки зрения техники исследования речь идет о формировании новой последовательности фактов, привнесении эмоциональных и даже театрально-драматических элементов в изложение содержания событий, а также о работе над «глубиной» теории, а не ее охватом (Roberts, 2006, pp. 707—708). Интересно, что внимание к хронологии и последовательности, по сути, меняет традиционный объект исследования теории международных отношений, поскольку вместо *взаимосвязей* и *акторов* объектом становится само *развитие* международных отношений в конкретном географическом ареале.

Призыв к «историзму», теоретизированию вокруг и в рамках отдельного объекта исследования ведет к проблеме, которую сформулировал еще Ф. Ницше. Обращение к конкретному историческому опыту означает конструирование специфической рациональности, в рамках которой формируются уникальные признаваемые или маргинализируемые практики. Таких рациональностей получается много, поскольку в мире предостаточно регионов мира и отдельных культурных общностей. В условиях подобного плюрализма размывается или даже устраняется сама возможность объективного и точного знания, поскольку в одной системе координат нечто может быть истиной, а в другой системе координат — наоборот, ложью (Jackson, 2016, pp. 134—137). Получается, что вместо общих критериев оценки получаемого знания постколониальная теория подталкивает к анализу практик прошлого на основе установления некоего соответствия между тем, как эти практики воспроизводили и представляли себе непосредственные участники, и тем, как это в итоге сделали ученые. Однако в таком случае базовая предпосылка о бедственном и маргинализованном положении Востока в международно-политическом дискурсе оказывается под существенной угрозой: далеко не в каждой специфической рациональности это

будет истиной. Иными словами, устранение одного эпистемологического препятствия ведет к появлению другого.

Таким образом, с точки зрения познания постколониальных международных отношений требуется сохранить плюрализм результатов (признать наличие разного культурного опыта) и избежать релятивизма (не соглашаться с множественностью путей к истине или даже множественностью истин). Именно поэтому постколониальная теория нацелена не на одно лишь обличение политических интересов, стоящих за доминирующими парадигмами и способами производства знания, а на их постепенное сближение, взаимное признание и комбинацию. Вместо *разделения* знания на «колониальное» и постколониальное предполагается *циркуляция* знания, полученного разными теоретическими школами. Это позволит размыть замкнутость академических институтов, занимающихся теоретизированием на международные темы, и обеспечить признание постколониальной теории как способа производства знания о том, как колониальные отношения деформировали мир и продолжают это делать в наше время (Darby, 2003, pp. 147—154). Проще говоря, академический мейнстрим, с одной стороны, всячески осуждается за антиисторизм, а с другой — оказывается эпистемологическим «якорем», который удерживает альтернативные варианты теорий от перехода в разряд не-науки.

Принципы историзма и нелинейности развития международных отношений при всех сложностях практического внедрения позволяют сконструировать пространственную эпистемологию, в которой постколониальная субъектность обеспечивается за счет исследования взаимного *расположения* с устоявшимся набором признанных акторов (Эльмурадов, 2021, с. 29—31). Это, в свою очередь, ведет к новой глобальной социальной онтологии. В текущих теориях уже есть три уровня маргинализации Востока (не-Запада). То есть одним странам или обществам вообще отказывают в развитии. В отношении других государств отрицается болезненность и насильственность развития по

заимствованным и навязанным образцам. Наконец, считается вторичным возможное влияние на современный мировой порядок тех незападных государств, которые оказались сравнительно успешными в развитии по западному образцу. Однако вместо того, чтобы «схлопнуть» или побороть эти уровни маргинализации, по сути, «бифокальный» подход предлагает разбивать их на новые подуровни и придавать им разную направленность. Социальное, политические и дискурсивное неравенство оказывается в какой-то мере желательным, поскольку именно оно обеспечивает различия. Пока такие различия существуют и воспроизводятся, маргинализируемый Восток оказывается субъектным в силу разнонаправленности развития по сравнению с Западом и в той мере, в которой эти различия осознаются в конкретных государствах (Matin, 2013, pp. 354—355, 366—368). Тем самым происходит своеобразная научная и культурная «деколонизация» Востока, субъектность позиционируется как «опция», а не иерархическое преимущество (Тлостанова, 2020).

Хотя искомая субъективность Востока оказывается неоднородной и ограниченной нарративами о конкретных обстоятельствах социальной, культурной и политической жизни восточных государств, постколониальная теория с помощью «бифокального» подхода разрушает пассивную однородность международных отношений и дает множество оснований для пересмотра телеологии демократического транзита, экономической модернизации и глобализации. При этом на уровне эпистемологии получаемое знание оказывается возможным только за счет постоянного диалога с доминирующими теориями.

Признание ограничений онтологического и эпистемологического характера, как ни парадоксально, позволяет теоретизировать в постколониальном ключе. Ценность такого теоретизирования не в открытии каких-то общих законов развития и не в уточнении деталей о целых классах явлений. Напротив, такое теоретизирование порождает целостные повествование о конкретных явлениях и узких проблемных областях, которые

нередко не имеют аналога (Jackson, 2016, pp. 168—170). Однако подобный подход позволяет посмотреть, какие факторы оказались решающими при том или ином тектоническом сдвиге в международных ситуациях и какие альтернативные варианты развития событий имелись. Для Востока/не-Запада это означает не только внутреннюю множественность и многофакторность, но и значительный перевес по части неисследованных альтернатив и необходимых исторических изысканий, поскольку история Востока хронологически значительно превосходит европейскую.

Континуум постколониальной взаимозависимости

Вполне возможно выстраивать и исследовать идентичность без отрицания и принципиального противопоставления в отношении Другого. В сущности, колониализм не только породил классификацию неравенства в мире, но и географически распределил полученное неравенство. На основе этой классификации сформулированы определенные представления о способах и возможности познания социального мира, которые эксплуатировали противоречия между локальным опытом и европоцентричными «глобальными» правилами. Если колониальный опыт построен на разграничении и отрицании «развитости» и самодостаточности культуры и политической жизни Востока, то постколониальная теория должна всячески избегать такого разграничения и отрицания. Тем самым происходит отказ от рассуждений о недостатке, отсутствии или даже небытии каких-то заданных характеристик в незападных обществах (Mbembe, 2001, pp. 5—7). Отсюда необходимость преодолеть традиционную эпистемологию, дисциплинарные границы и дистанцию между познаваемым и познающим.

В. Миньоло назвал такой подход «пограничным мышлением» (*border thinking*), то есть принципиальной ориентацией исследователя на формирование междисциплинарных пространств, применение герменевтики (а не

более строгих позитивистских методологических подходов) и выстраивание исследовательской логики от фактов, а не от противоположного (на отрицании западного исторического опыта) (Mignolo, 2012, pp. 9—18). По сути, «пограничное мышление» подразумевает, что нам доступны далеко не все факты о Востоке, и есть большое число различных скрытых обстоятельств и причинно-следственных механизмов, которые еще только предстоит выявить. Если маргинализация Востока в дискурсе и распространенных глобальных институтах очевидна, то эпистемологическое неравенство предопределяет множество совершенно неочевидных форм колониального наследия и его воспроизводства.

В рамках «пограничного мышления» подвергается сомнению не только действительность противопоставления Востока и Запада, но и общепринятое деление истории на досовременную, современную и постсовременную. В этом делении подспудно присутствуют стадийность и убеждение, что все уголки мира последовательно прошли или пройдут эти стадии. Однако в реальности вместо «обязательных» этапов развития и «времени большой длительности» (*la longue durée* Ф. Броделя) исторические взаимосвязи характеризуются гибридность, смешением противоположностей и ситуативностью: схематические стадии и циклы оказываются аналитическими конструктами, которые подавляют временную разнонаправленность событий и процессов. Поэтому вместо модерна и постмодерна предлагается выделить особый период истории — трансмодерн², который характеризуется неопределенностью, неустойчивостью и сочетанием несочетаемого (Павлов, 2021, с. 176—198). Альтернативный вариант — тезис о множественности модерна (*multiple modernities*), то есть об утрате содержательного единства западного политико-экономического проекта (Dirlik, 2003). В сущности, различия концептов трансмодерна и множественного модерна — стилистические, а не смысловые.

² Термин ввел аргентинский философ Э. Дюссель.

Аналогично и социальное пространство в постколониализме взаимозависимости оказывается транслокальным, а не четко разделенным на локальное и глобальное. Как писал П. Гилрой, пространство оказывается глобальным по охвату, но не по содержанию. Постколониальная теория не видит важности в разделении мира на суверенные территории государств, а значит, глобальный охват не связывает какие-то конкретные единицы, а обозначает ограниченность социальной и политической деятельности со стороны природы (биосферы) (Gilroy, 2004, pp. 80—84). Кроме того, локального в мире также не остается, поскольку в условиях трансмодерна ему не может быть противопоставлена какая-то конкретная пространственная иерархия.

Понятия трансмодерна и транслокальности, безусловно, не получили однозначного одобрения со стороны всех постколониальных теоретиков. Однако эти концепты точно обозначают суть двух основных тезисов постколониальных исследований.

Во-первых, в самой Европе было несколько путей перехода к модерну и колониализму, что означает принципиальную неоднородность и несводимость к общему знаменателю способов маргинализации и языков описания условного Востока/не-Запада (Hall & Hobson, 2010).

Во-вторых, внутри самого Востока/не-Запада изначально были государства, которые выбрали сложный путь имитации и заимствования мнимых и реальных достижений Запада. Кроме того, существовали государства и политические единицы Востока, которые исчезли или проиграли в борьбе с западными колонизаторами, то есть были замещены европейским модерном. Все эти государства в какой-то степени разделяют ответственность за глобальное неравенство и саму ситуацию маргинализации Востока (Zarakol, 2011, pp. 38—45, 54—56).

Множественность неявных форм европоцентризма и упорядочивания вынуждает совершенно иначе посмотреть на объект международных исследований. Взаимное переплетение различных процессов и влияний подразумевает холистскую социальную

онтологию, в которой все оказываются частью единой сложной реальности. Государства, социальные группы, коммерческие предприятия в этой онтологии по определению не могут быть обособленными и единичными акторами. Данные единицы отражают определенный коллективный опыт, воспроизводятся и становятся частью повседневной жизни через институциональные практики. Однако во многом это результат внешнего приписывания каких-то характеристик коллективам, а также усвоения (в форме отторжения или принятия) приписываемых черт (Vieira, 2018, pp. 145—151). Таким образом, в качестве объекта исследования постколониализм взаимозависимости видит реакцию коллективных общностей Запада и не-Запада на трансмодерн и транслокальность, множественность пространственных и временных разнонаправленных воздействий.

Поскольку каждый исследователь, очевидно, не сможет учесть реагирование на все внешние факторы, а число возможных социальных единиц сравнительно велико, перед постколониализмом взаимозависимости остро встает «проблема ученых» (или «проблема выборки и рефлексивности»). В сущности, речь идет о том, насколько отбираемые исследователями акторы и внешние влияния оказываются результатом научного поиска, а не личных или политических предпочтений. Внешние условия влияют не только на объект исследования, но и на исследователя, а потому непонятно, должен ли исследователь находиться внутри или вне маргинализируемой социальной единицы, чтобы провести более продуктивную научную работу. П. Джексон полагает, что эта проблема снимается, во-первых, четким обозначением собственной социальной и политической принадлежности исследователя, а во-вторых, максимальным охватом возможных альтернатив реагирования (Jackson, 2016, pp. 185—204).

«Проблема ученых» фиксирует, что в постколониальной теории (как минимум в постколониализме взаимозависимости) признается не только маргинализация не-Запада/Востока исторически и дискурсивно, но и наличие каких-то скрытых форм и структур

его взаимоотношений с Западом (трансфактичность). При всей востребованности количественных методов (Дегтерев, 2019) эпистемологически такая позиция обозначает принципиальную ориентацию на качественные методы исследования, интерпретацию и объяснение фактов, а не их фиксацию. В случае постколониализма взаимозависимости полученные результаты исследования обречены на определенную субъективность. Однако здесь это скорее преимущество, которое повышает наше осознание существующих проблем и противоречий. Более того, у постколониальной теории в данном случае есть уникальная возможность опереться на аргумент, что стандарты науки и объективного знания представляют продукт колониализма и маргинализации не-Запада, то есть нуждаются в переосмыслении и деконструкции. То есть постколониализм взаимозависимости во многом тяготеет к рефлексивистской методологии, которая пробивает себе путь в международных исследованиях с конца 80-х гг. XX столетия (Hamati-Ataya, 2013).

Два лика теории

Один из ранних постколониальных теоретиков Х. Баба отмечал, что идея превращения всего мира в исследовательский проект неизбежно будет вести к бурным и не всегда обоснованным разногласиям и разделением, к «шизоидной фрагментации». Однако именно в таком проекте заложен потенциал появления чего-то нового в социальных и политических науках (Bhabha, 1994, pp. 216—217). Постколониальная теория стремится преодолеть ограничения доминирующих исследовательских школ, а потому какие-то линии разделения и внутри самой этой теории неминуемы.

Представленные различия постколониальной теории в реальности несколько менее выпуклые и отчетливые, поскольку теория непрерывно продолжает развиваться. Более того, постколониальная теория намного более чувствительна к географическому положению исследуемого и исследователя, а потому отражает разный исторический и социальный опыт, максимально сопротивляется обобщениям

на свой счет. Однако отчетливое разграничение внутри постколониальной теории позволяет начать прагматичный разговор о ее сближении с другими парадигмами и диалоге по онтологическим и эпистемологическим проблемам, а также перспективах применимости постколониальной аналитической призмы.

Основные черты постколониализма различия и постколониализма взаимозависимости обусловлены несходствами онтологического характера (табл. 1). Постколониализм различия предполагает дуальную социальную онтологию, в которой Запад четко разграничен с Востоком и не подвержен какому-либо серьезному его влиянию. В этой связи основной задачей исследования становится «открытие» Востока, разрушение искусственной европоцентричной однородности международных отношений и науки о них. Отсюда — озабоченность будущим, той траекторией развития, которую выберет Восток. Напротив, постколониализм взаимозависимости уже не видит в мире никакой однородности и даже отказывается отождествлять международные отношения с межгосударственными. Несмотря на фрагментарность и разнородность, явления и процессы все-таки тесно связаны и обусловлены (онтологический холизм). Поэтому изучение Востока оказывается не столько исправлением многовековой несправедливости, сколько осмыслением роли и места конкретных единиц в сложном переплетении социальных и политических взаимосвязей, что означает погруженность в настоящее, отказ от каких-то усилий по прогнозированию и предвидению.

Постколониальная теория едина в том, чтобы рассматривать не всю международно-политическую реальность, а лишь сравнительно небольшие ее фрагменты. Более того, постколониализм подразумевает логическую инверсию в теории международных отношений: бывшие периферии оказывались в центре внимания, бывшие герои — десакрализованы, сообщества-«молчуны» — начинают повествование своей истории (Африка: постколониальный дискурс, 2020, с. 86—87). Однако на практике это может означать совер-

шенно разные цели исследования. Несколько упрощая, отметим, что постколониализм различия нацелен на изучение развития и в конечном итоге пытается ответить на вопрос «Кто виноват?» и каковы обусловленные прошлым пути развития обществ Востока. В свою очередь, постколониализм взаимозависимости не ищет способов переключивания исторической ответственности и перебирает альтернативы в поисках ответа на вопрос «Что делать?».

Таблица 1

Два основных типа постколониальной теории в международных исследованиях

Критерий	Постколониализм различия	Постколониализм взаимозависимости
Онтологические основания	Дуализм: Восток и Запад — это отдельные социальные реальности, сформированные отношениями маргинализации	Холизм: Восток и Запад взаимно сконструированы в ходе международной коммуникации. Этот процесс продолжается
Эпистемологические основания	Феноменализм: Знание о Востоке маргинализировано, но полностью доступно	Трансфактичность: Знание о Востоке маргинализировано и недоступно во всей полноте
Методологические принципы	— Историзм; — межпарадигмальный диалог; — многоуровневость субъектности/акторности; — нелинейность развития	— «Пограничное мышление»; — условность субъектности/акторности; — нелинейность времени и пространства
Эпистемологические и методологические проблемы	Проблема релятивизма — относительности базовых посылок постколониальной теории	Проблема ученых — относительность результатов постколониальной теории
Отношение к социальному времени	Постмодерн как устранение ошибок прошлого	Трансмодерн как состояние «текущей» переходности
Цель исследования	Анализ конкретной ситуации в развитии	Анализ внешних условий и реакции на них
Конечный продукт	Аналитический нарратив	Выявление возможных альтернатив реакции акторов/социальных единиц

Источник: составлено автором.

В отечественной международно-политической науке пока не уделяется большое внимание постколониальным теориям, что во многом обусловлено особым положением России/СССР в мире (ядерная держава, государство — основатель ООН и т. д.). Однако Россия, как и многие государства Востока/не-Запада, нуждается в более осмысленном анализе собственной роли и перспектив в современных международных отношениях, своей международной идентичности и идентичности государств-соседей. В истории взаимоотношений Москвы/Санкт-Петербурга с миром немало темных пятен и замалчиваемых фрагментов, которые нуждаются в интерпретации и включении в общую дискуссию о направленности и долгосрочных целях российской внешней политики.

С этой точки зрения постколониальные теории позволяют не просто вести споры о фактах и их трактовках, а о том, что же такое все-таки современная Россия — часть Запада или устойчивый не-Запад, дискурсивное «формирующее запредельное» или онтологически обособленная социальная единица с собственной траекторией развития. Это имеет последствия и для осмысления перспектив развития всего постсоветского пространства. Грубо говоря, политику многовекторности Молдовы или Казахстана можно представить как попытку разрушить особую социальную реальность, выстроенную Россией, или как естественный процесс появления новых уровней взаимодействия, часть из которых выводит постсоветские страны за пределы привычных географических и темпоральных рамок. Если в западной политической аналитике существует сравнительное единомыслие по отношению к этим развилкам, то российские международники, работая в постколониальной логике, вполне могут предложить свои контраргументы или даже сформулировать альтернативные оценки происходящего. Представляется, что постколониализм различия в большей степени подходит для этого.

Заключение

Проанализированные разновидности постколониальной теории имеют большой потенциал для применения. Постколониализм

различия по своим онтологическим и эпистемологическим основаниям достаточно близок к конструктивизму и вполне может обогатить эту теоретическую школу. Синтез такого постколониализма и конструктивизма имеет потенциал в сфере исследования закономерностей и особенностей развития макрополитической идентичности, плотности и протяженности социального времени (темпоральности) в конкретных географических ареалах. Напротив, постколониализм взаимозависимости ближе к остальным критическим теориям — феминистским, расовым, постмарксистским. Рефлексивистская методология, свойственная этим школам теории международных отношений, позволяет более подробно оценить состояние структур упорядочивания и воспроизводства иерархических отношений (экономических, политических, культурных).

С географической точки зрения постколониализм различия, вероятно, более подходит для исследования тех регионов и стран, в отношении которых наблюдается амбивалентность, отсутствие четкого разграничения с Западом. На контрасте по отношению с онтологическим Другим анализ стран не-Запада может дать важные наблюдения о глубинных причинах их международных успехов и неудач, особенностей их внешнеполитической

идентичности и военно-политической мысли. Это касается, в частности, постсоветского пространства, некоторых стран Северной Африки и Латинской Америки.

Напротив, постколониализм взаимозависимости, скорее, подходит для регионов и государств, которые совершенно точно прошли колониальный период истории и теперь ищут свой собственный (пусть и не без заимствований) вариант развития. Эта тонкая и нюансированная разновидность постколониальной теории может удержать исследователей от ненужной апологии доколониального прошлого и разного рода перекосов в исследовательском интересе (радикальных версий афроцентризма, исламоцентризма и т. д.).

В целом постколониальная теория в международных исследованиях имеет потенциал не только для объединения усилий со смежными парадигмами. Смещение онтологических и эпистемологических оснований двух представленных разновидностей вполне может дать новую версию постколониализма, которая смогла бы, например, объединить в себе онтологический дуализм и трансфактичность. Можно предположить, что мы находимся на пороге появления постколониальной теории нового поколения, которая уже ждет своего исследователя.

Поступила в редакцию / Received: 11.03.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 08.10.2022

Принята к публикации / Accepted: 17.10.2022

Библиографический список

- Алексеева Т. А. Теория международных отношений как политическая философия и наука. Москва : Аспект Пресс, 2019.
- Африка: постколониальный дискурс / отв. ред. Т. М. Гавристова, Н. Е. Хохолькова. Москва : Институт Африки РАН, 2020.
- Дестерев Д. А. Второй большой спор в контексте становления российской науки о международных отношениях // *Международные процессы*. 2019. Т. 17, № 2. С. 43—63. <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.2.57.3>
- Ивкина Н. В., Трусова А. А., Черняев М. С. Китайский подход к концепции «американской исключительности» // *Международные отношения*. 2019. № 4. С. 14—24. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2019.4.31447>
- Павлов А. В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теория объясняют наше время. Москва : Дело, 2021.
- Сауд Э. Ориентализм. Москва : Русский Мир, 2006.
- Глостанова М. В. Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // *Новое литературное обозрение*. 2020. № 1 (161). С. 66—84.
- Эльмурадов А. Постколониальная/деколониальная критика и теория международных отношений // *Вестник МГИМО-Университета*. 2021. Т. 14, № 3. С. 23—38. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-3-78-23-38>

- Barder A.* Empire Within: International Hierarchy and Its Imperial Laboratories of Governance. London : Routledge, 2015.
- Bhabha H. K.* The Location of Culture. London : Routledge, 1994.
- Bilgin P.* Thinking past ‘Western’ IR? // *Third World Quarterly*. 2008. Vol. 29, no. 1. P. 5—23. <https://doi.org/10.1080/01436590701726392>
- Bleiker R.* Forget IR Theory // *Alternatives: Global, Local, Political*. 1997. Vol. 22, no. 1. P. 57—85.
- Booth K.* Human Wrongs and International Relations // *International Affairs*. 1995. Vol. 71, no. 1. P. 103—126.
- Darby P.* Reconfiguring “the International”: Knowledge Machines, Boundaries, and Exclusions // *Alternatives*. 2003. Vol. 28, no. 1. P. 141—166.
- Dirlík A.* Global Modernity? Modernity in an Age of Global Capitalism // *European Journal of Social Theory*. 2003. Vol. 6, no. 3. P. 275—292. <https://doi.org/10.1177/13684310030063001>
- Gilroy P.* After Empire: Melancholia or Convivial Culture? London : Routledge, 2004.
- Hall M., Hobson J. M.* Liberal International Theory: Eurocentric but Not Always Imperialist? // *International Theory*. 2010. Vol. 2, no. 2. P. 210—245. <https://doi.org/10.1017/S1752971909990261>
- Hamati-Ataya I.* Reflectivity, Reflexivity, Reflexivism: IR’s ‘Reflexive Turn’ — and Beyond // *European Journal of International Relations*. 2013. Vol. 19, no. 4. P. 669—694. <https://doi.org/10.1177/1354066112437770>
- Hobson J. M.* The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760—2010. Cambridge : Cambridge University Press, 2012.
- Hobson J. M., Lawson G.* What is History in International Relations? // *Millennium*. 2008. Vol. 37, no. 2. P. 415—435. <https://doi.org/10.1177/0305829808097648>
- Hoffmann S.* An American Social Science: International Relations // *Daedalus*. 1977. Vol. 106, no. 3. P. 41—60.
- Jabri V.* Disarming Norms: Postcolonial Agency and the Constitution of the International // *International Theory*. 2014. Vol. 6, no. 2. P. 372—390. <https://doi.org/10.1017/S1752971914000177>
- Jackson P. T.* The Conduct of Inquiry in International Relations: Philosophy of Science and Its Implications for the Study of World Politics. London : Routledge, 2016.
- Matin K.* Redeeming the Universal: Postcolonialism and the Inner Life of Eurocentrism // *European Journal of International Relations*. 2013. Vol. 19, no. 2. P. 353—377. <https://doi.org/10.1177/1354066111425263>
- Mbembe A.* On the Postcolony. Berkeley : University of California Press, 2001.
- Mignolo W. D.* Local Histories / Global Designs. Princeton : Princeton University Press, 2012.
- Mitchell T.* Questions of Modernity. Minneapolis : University of Minnesota Press, 2000.
- Roberts G.* History, Theory and the Narrative Turn in IR // *Review of International Studies*. 2006. Vol. 32, no. 4. P. 703—714. <https://doi.org/10.1017/S0260210506007248>
- Untalan C. Y.* Decentering the Self, Seeing Like the Other: Toward a Postcolonial Approach to Ontological Security // *International Political Sociology*. 2020. Vol. 14, no.1. P. 40—56. <https://doi.org/10.1093/ips/olz018>
- Vieira M. A.* (Re-)imagining the ‘Self’ of Ontological Security: The Case of Brazil’s Ambivalent Postcolonial Subjectivity // *Millennium*. 2018. Vol. 46, no. 2. P. 142—164. <https://doi.org/10.1177/0305829817741255>
- Zarakol A.* After Defeat: How the East Learned to Live with the West. Cambridge : Cambridge University Press, 2011.

Сведения об авторе: Лошкарёв Иван Дмитриевич — кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории МГИМО МИД России; научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России; ORCID: 0000-0002-7507-1669; e-mail: ivan1loshkariov@gmail.com